

Теннадий Логинов
Алексей Борисов
Дмитрий Колейчик
Хасан Валеев
Евгений Приморук
Юрий Погорельский

Альманах «Инверсия»

Выпуск первый

Геннадий Логинов

Альманах «Инверсия».
Выпуск первый

«Издательские решения»

Логинов Г.

Альманах «Инверсия». Выпуск первый / Г. Логинов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837938-3

Мы не утверждаем, что наш творческий принцип — единственно правильный и общеобязательный, но мы отстаиваем своё право и свободу творить в соответствии со своим творческим принципом. Инверсионизм — это не жанр, не школа, не течение, и не направление, но сам подход к творчеству, объединяющий совершенно разных людей

ISBN 978-5-44-837938-3

© Логинов Г.
© Издательские решения

Содержание

Манифест инверсионизма	6
Конная инспекция	8
Уберблик	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Альманах «Инверсия»

Выпуск первый

Авторы: Логинов Геннадий, Борисов Алексей, Колейчик Дмитрий, Валеев Хасан, Триморук Евгений, Погорельский Юрий

- © Геннадий Логинов, 2019
- © Алексей Борисов, 2019
- © Дмитрий Колейчик, 2019
- © Хасан Валеев, 2019
- © Евгений Триморук, 2019
- © Юрий Погорельский, 2019

ISBN 978-5-4483-7938-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Манифест инверсионизма

Что такое «инверсионизм»? Название происходит от латинского «*inversio*», и переводится как «перестановка» или «переворачивание». Иными словами, инверсионизм – это смещение ракурса восприятия посредством сатиры, гротеска, «психологического полуавтоматизма», языка аллегорий, иносказаний и метафор.

Инверсионизм эстетически схож, но не тождественен литературе абсурда, поскольку принципиально не признаёт лежащего в её основе экзистенциализма, полагая наличие объективного смысла жизни, а за кажущейся абсурдностью инверсионистских образов всегда сокрыт некий подтекст.

Инверсионизм эстетически схож, но не тождественен сюрреализму, поскольку принципиально не приемлет лежащего в его основе принципа психологического автоматизма, отрицающего табуированность чего бы то ни было и осознанность творческого замысла, а за кажущейся спонтанностью инверсионистских образов стоит продуманность.

Инверсионизм эстетически схож, но не тождественен постмодернизму, поскольку принципиально не приемлет лежащего в его основе принципа отрицания каких бы то ни было авторитетов и ценностей, а за кажущимися ироническими инверсионистскими образами стоит отстаивание высоких идеалов.

Инверсионизм противопоставляется не реализму, а банальности, избитости и заурядности. Это всё тот же взгляд на реальность, но просто – под особым углом зрения. Высоко символизированная действительность, реальность которой не ставится нами под сомнение.

Кто такие «инверсионисты»? Мы – молодые писатели века сего, пишущие неформатную литературу, плывущие против течения, но, вместе с тем, не ставящие перед собой цели и задачи изгонять классиков с корабля современности, ниспровергать традиционные литературные формы или навязывать некий «единственно правильный» взгляд на творчество.

Мы не утверждаем, что наш творческий принцип – единственно правильный и общеобязательный, но мы отстаиваем своё право и свободу творить в соответствии со своим творческим принципом.

Инверсионизм – это не жанр, не школа, не течение, и не направление, но сам подход к творчеству, объединяющий совершенно разных людей.

У нас были свои предтечи, как были они и у сюрреалистов, и у постмодернистов. Есть те, кто близок нам по взглядам. И будут свои последователи, даже если эти люди так никогда о нас не услышат и не узнают. Мы не создали что-либо принципиально новое – мы всего лишь дали имя старому и подвели под него свой *modus operandi*.

По большому счёту, на свете существует только один писатель-инверсионист, долгое время не желавший относить своё творчество к какому-либо направлению или течению, и выдумавший своё, чтобы читатели больше не донимали его одинаковыми вопросами. Остальные – примкнули к нему из творческой солидарности, но вместе – мы скорее группа друзей, чем единомышленников.

Как бы то ни было, искусство существует в разнообразии, и мы искренне верим, что в его безграничной палитре найдётся скромное место и для нас.

Нижеподписавшиеся:

Геннадий Логинов
Алексей Борисов
Дмитрий Колейчик
Валеев Хасан
Евгений Триморук
Юрий Погорельский

Конная инспекция

Автор: Геннадий Логинов

*Жизнь – это партия в шахматы
Мигель де Сервантес*

Провожать Белого Коня в дальнее странствие собралась вся местная знать. Здесь были все, от мала до велика: Белый Ферзь руководил парадом, где в сопровождении двух Белых Слонов меж двумя Белыми Ладьями прошествовала колонна Белых Пешек в своих парадных облачениях. Они чествовали своего героя, а Его Величество Белый Король даже собственноручно облачили его в новое пальто, коль скоро погода стояла прохладная.

Единоутробный брат-близнец Белого Коня даже проронил скупую слезу радости, умиляясь от увиденного. Совсем недавно Чёрные устроили заговор, закончившийся покушением на жизнь Белого Короля. Отступая в сопровождении верных ему пешек, с готовностью отдававших свои жизни за честь шахматной короны, Белый Король причитал и молился, пока недруги преследовали его по пятам, загоняя в угол и матеря. Но Белого Короля спасло внезапное появление Белого Коня, нарушившее коварные планы врагов.

Некоторые из них называли Белого Коня «Выскачкой». Отчасти это было вызвано тем, что он появлялся там, где его не ждут, и совал свой нос туда, куда его не просят. Отчасти тем, что он играючи перескакивал любые фигуры, союзные или вражеские, стоявшие на промежуточных полях траектории его хода, заставляя перепрыгнутых молча завидовать. Непосредственный, стремительный и смелый, он не боялся авантур и риска, поэтому даже Чёрный Король не мог укрыться от нападения Белого Коня за кем-либо из своих вассалов. Враги невольно уважали и боялись Белого Коня, который смел в одиночку угрожать Чёрному Ферзю, не опасаясь атаки с его стороны. И это не было по силам более никому.

Его травили Чёрными Пешками, преследовали Чёрные Слоны и Чёрные Ладьи, а Чёрный Ферзь устраивал на него засаду, но Белый Конь вновь и вновь уходил из западни и оставлял всех с носом, победно гарцуя по доске.

Белые Слоны, горделиво шествовавшие по своим диагоналям, никогда не сменяли ранее взятого политического курса: они нередко обвиняли Белого Коня в легкомыслии, сумасбродстве и недостаточной идеологической подкованности, наблюдая за тем, как он меняет цвет поля на каждом ходу. Но Белый Конь поступал так, как считал необходимым, заставляя считаться со своим выбором и своих и чужих.

Он не знал себе равных в закрытых позициях, где возможности дальнобойных фигур были сильно ограничены. Налетая как вихрь, мог побить кого угодно, не опасаясь ответного удара. А его коронным номером была знаменитая «вилка», при которой Белый Конь угрожал атакой сразу двум и более фигурам. Лишь Чёрные Кони могли ответить на его дерзкие налёты той же монетой, но, трезво оценивая возможные шансы и риски, они не доводили дело до открытой конфронтации.

В этот же раз в боевых действиях наметилось временное перемирие, необходимое сторонам конфликта для передышки перед новой битвой; поэтому, совершив пятьдесят бескровных ходов, противники объявили временную ничью. Естественно, никто не питал иллюзий, поэтому Белый Конь, уже не раз доказавший свою смелость и преданность Белому Делу, получил задание провести рекогносцировку предстоящего театра военных действий под видом мирной инспекции. При этом оптимальный маршрут подразумевал, что Белый Конь побывает на каждой клетке шахматной доски не более одного раза. Итого: ему предстояло исследовать

шестьдесят четыре клетки без повторений, что, хоть и не было невозможным, всё-таки представляло собой не самую простую задачу. Но Белый Конь не сомневался, что справится.

История противостояния Белых и Чёрных уходила своими корнями в седую древность; и хотя многочисленные политологи, историки и философы могли приводить многочисленные причины её начала, сдвигать вековой слой пыли со старинных хроник, хранивших записи древних дебютов, миттельшпилей и эндшпилей, походово изучать каждый цугцванг и строить предположения о том, возможно ли было избежать тот или иной мат, поставленный ещё дедам и прадедам нынешних Королей, на взгляд Белого Коня всё было гораздо проще и банальнее.

Во-первых, Белые и Чёрные фигуры имели разные цвета. А во-вторых – проживали в разных концах света, занимая противоположные стороны шахматной доски. И для подавляющего большинства фигур уже и этих причин было с лихвой достаточно для возникновения устойчивой неприязни и начала вооружённых конфликтов.

Ведь, в сущности, каждая Пешка (не важно, Белая или Чёрная) лелеяла в глубине души надежду преодолеть все клетки и препятствия на пути к противоположному концу доски, дослужившись до Ферзя или, в некоторых случаях, хотя бы до Коня, и, когда на её пути к успеху вставали другие фигуры, конфликт был неизбежен.

Разумеется, до противоположной стороны добирались лишь единицы, искренне веруя в то, что там – лучше, чем дома, но это уже был отдельный разговор.

Сильным фигурам хотелось заполучить как можно больше влияния и простора, из-за чего они стремились занять центр доски, по возможности очистив её ото всех неприятельских фигур. И понимая, что в одиночку им никогда не совладать с врагами, одни фигуры объединялись по принципу родства и свойства с другими фигурами одного с ними цвета и общей исходной позиции.

Хотя некоторые дотошные исследователи пытались обнаружить некую природную общность разноцветных фигур, настаивая на их едином происхождении из фигур одноцветных (предположительно – Серых, в незапамятные времена безраздельно мигрировавших по протяжённости всего игрового пространства), проводя аналогию в сходстве расстановки и внешнем виде фигур, обитавших по разные стороны доски, в это верилось далеко не всем, а для большинства не имело ровным счётом никакого значения: ну, допустим, были у них с врагами когда-то общие предки – ну и, собственно, что с того?

Разумеется, находились пацифисты и космополиты, периодически утверждавшие, что разлинейные границы необходимо упразднить, буквенно-цифровые координаты – отменить, выкрасить все поля и фигуры в один цвет, забыть про все былые обиды и зажить одной большой дружной семьёй; но их романтические бредни не воспринимали всерьёз, а если кто-то вёл себя слишком настойчиво, – его заставляли замолчать.

Кто-то видел причины сложившейся обстановки в недостатках политического режима, но и это казалось Белому Коню довольно притянутым: у шахмат, конечно же, была монархия, имелись свои короли, ферзи, сильные и лёгкие фигуры, пешки; но и у формально демократических шашек, которые, согласно их громким заявлениям, были равны между собой, – тоже все метили в дамки.

Сторонники теории заговора прослеживали систему в периодическом повторении некоторых ходов и ситуаций, другие всё списывали на историческую закономерность, а верующие говорили о том, что за всеми ходами и событиями на игровой доске, включая и самые незначительные, прослеживается чья-то воля свыше – но, право же, с переходом в ту фазу партии, которую некоторые из фигур называли «Просвещённым веком», подобные взгляды начинали поноситься и осмеиваться.

Как бы то ни было, все эти вопросы были извечными и не решались нахрапом за один миг, а Белый Конь, любивший на досуге поразмышлять о том, существует ли игра за пределами доски, был слишком занят и увлечён текущими заботами. Ещё немного потоптав исходную

клетку и тепло простившись со всеми сопровождающими, он начал свой долгий и сложный путь в шестьдесят три хода.

Первые несколько ходов дались ему легко и не несли в себе практически ничего, заслуживающего отдельного упоминания. Белый Конь ещё не успел истоскаться по дому на чужбине, но был полон сил и бодр, высоко оценивая доверие, оказанное ему самим Белым Королём. Он осознавал всю важность и значимость возложенной на него миссии и верил, что не подведёт свой стяг.

Потом, проходя неизведанными тропами, он впервые увидел соловья. Конечно же, Белый Конь никогда прежде не видел этих птиц и, уж тем более, не слышал соловьиного пения, зная о нём что-то смутное из третьих рук. И, стало быть, он мог ошибаться. Но всё-таки ему очень хотелось верить в то, что это был именно соловей. Так, значит, так тому и быть. Соловей, зелёный и жирный, грациозно описывал круги над полем, а затем – приземлился прямо перед Белым Конём и зажуужал, потирая переднюю пару лапок.

Белый Конь не очень хорошо разбирался в музыке и пении. В конце концов, шахматные композиторы были ему несравненно ближе музыкальных. Но зная, что все нормальные соловьи уже просто по определению должны петь восхитительно, приводя всякого искушённого ценителя в трепетный экстаз, он тоже старался проникнуться высокими светлыми чувствами, вобрав всё лучшее от природы.

Тело соловья источало тончайшие и нежные ароматы цветущей весны. Возможно, Белому Коню и не с чем было сравнить, но, сложив два и два, он сделал обоснованное предположение, что именно так и должны пахнуть нежнейшие весенние ароматы. Ведь чем ещё может пахнуть от соловья?

Допев свою песню, зелёный соловей упорхнул, грациозно перебирая прозрачными крыльшками, а Белый Конь, исполненный вдохновения и светлого порыва, возобновил свой прерванный путь.

Заняв одну из светлых клеток, он обнаружил на соседней Белую Шашку, куда-то стремительно спешившую по своим делам. Разумеется, они были разного поля ягоды и, несмотря на добрососедские отношения и партнёрство в целом ряде сфер, перед ними стояли разные целевые задачи. Но, так или иначе, они были одного цвета, разделяя (пусть и по-разному понимая её), Великую Белую Идею. Поэтому, задержавшись для приятельского разговора, Белый Конь уговорил Белую Шашку доставить весточку домой, а Белая Шашка заверила, что её путь будет пролегать неподалёку от позиции Белого Короля и вот уже через несколько ходов она передаст ему письмо.

В послании говорилось о том, что верный посланник скучает по дому, исходной клетке и всем знакомым фигурам, но, несмотря на это, его путь продвигается хорошо и он обязательно расскажет обо всём в деталях при личной встрече. На самом деле фигуре хотелось сказать очень многое, и в то же время слов особенно и не находилось, потому что иногда эмоции и чувства бывают важнее самых выразительных слов.

Не заставляя Белую Шашку ждать больше необходимого, Белый Конь продолжил своё путешествие, сохраняя в душе неоднозначное послевкусие, оставшееся после недавнего диспута, затрагивавшего их жизненные позиции и политические идеологии.

Она не понимала, как это в принципе возможно – всем ходить по-разному и, в частности, буквой «Г» (или «L»), а он не понимал, как это в принципе возможно – всем ходить одинаково и, в частности, по диагонали.

В устройстве шахматной монархии ей виделись явные признаки социального неравенства, которое неизбежно должно было порождать классовую борьбу, а он углядывал в шашечной демократии насильственную уравниловку, скрывавшую за собой банальное стремление в дамки ценою жизней впереди идущих.

Святой долг каждой достойной фигуры виделся Белому Коню не в стремлении обрести контроль над полем или престиж и могущество как таковые, но в несгибаемой решимости сложить буйну голову за спасение Белого Короля, если того потребуют обстоятельства. Белая Шашка же полагала, что, даже если преодолеть свой путь до конца уготовано не всем, каждому изначально должны предоставляться равные возможности и права, и, если без жертв не обойтись, – сознательно идущие на них совершат свой подвиг во благо всех соратников по борьбе, а не по прихоти отдельно взятой фигуры.

Белый Конь не считал тотальный геноцид допустимым методом ведения военных действий: достаточно было обезглавить вражеское сопротивление, поставив мат Чёрному Королю и принудить его сторонников к капитуляции. Белая Шашка же полагала, что до тех пор, пока жив хотя бы один вражеский недобиток, даже и он будет представлять потенциальную угрозу для благополучия её соплеменников: устраивая теракты, диверсии и партизанские вылазки, он будет тихой сапой пробираться в дамки, и своевременно не предотвратив возможную напасть, можно понести колоссальные потери.

Он читал молитву о сохранении души и здоровья монарха, она – исполняла гимн, прославляющий равенство, свободу и братство.

И всё-таки, несмотря на все принципиальные различия мировоззренческих систем, Белая Шашка и Белый Конь уважали друг друга за доблесть, верность идеалам и отвагу.

Всё чаще возвращаясь мыслями к родной клетке, соседям и стартовой горизонтали, он ловил себя на хандре, но вскоре сгонял её прочь походными песнями. В них пелось о ходах и разноцветных полях, составлявших большое игровое поле; о доблестных пешках, отдававших свои жизни за Белого Короля, чей подвиг не забыт и высечен бессмертными буквами в летописях игровых баталий; о том, что в единстве – сила, и в одиночку ни одна фигура, будь то Ладья или даже Ферзь, не навоюет много. Проверенные временем, они ставили тоске мат в два хода, поднимая приунывшему Белому Коню настроение.

Так, напевая, он набрёл на белый шарик, который катился куда-то по доске и случайно встал у него на дороге. Разумеется, это не было препятствием для Белого Коня, но вместе с тем вносило в однообразие последних ходов определённое оживление. Судя по всему, белый шарик слонялся по полю без какой-либо конкретной цели и был не очень смышленным. Но вместе с этим он был весёлым, задорным и дружелюбным. То и дело, катаясь вокруг Белого Коня, он останавливался на месте и вдруг начинал крутиться вокруг своей оси, желая привлечь к себе внимание.

С одной стороны, это могло показаться непрофессиональным и даже поставить под угрозу благополучие исхода задания, но, судя по всему, гнетущее одиночество настолько успело приесться неутомимому путнику, что он не стал отказываться от подобного друга и попутчика. Дав шарiku кличку «Пёс», он разрешил ему следовать с собой по пятам, при этом сразу же подчеркнув, чтобы тот не мешал его работе. Радости Пса не было предела – он крутился и прыгал, катясь по следу Белого Коня.

Где-то посередине доски великого путешественника ожидала очередная необычная встреча. Поначалу он долгое время гадал, что именно за фигура обнаглела настолько, что вздумала занимать сразу несколько клеток, встав прямоком на их демаркационном распутье. Она выглядела очень странно и в лучшем случае напоминала беременную Ладью.

Задав, в мягкой и любезной форме, вполне резонный вопрос о том, кого свела с ним нелёгкая и почему неизвестная фигура позволяет себе подобные вольности, Белый Конь получил довольно резкий и хамский ответ, что разговаривает не с какой-нибудь там фигурой, а самой Перечницей, и она, перчившая свысока на все их правила и понятия, будет ходить и стоять, где хочет, как хочет и когда хочет. Но и эта вопиющая вульгарность, как вскоре оказалась, ещё не была апофеозом смрадной грубости, поскольку следом в адрес Белого Коня

прозвучало непристойное предложение последовать прямиком по маршруту, не предусмотренному шахматными правилами.

Не считая возможным и, главное, нужным тратить время и силы на деликатные и бесполезные разговоры со всяким хамлом, о чём-то спорить и что-то доказывать, Белый Конь сходил на одну из занимаемых Перечницей клеток, больно лягнув её копытом. Не ожидавшая удара такой силы, та тотчас же потеряла равновесие и, откатившись до самого края доски, сорвалась в неведомую пропасть, откуда вскоре раздался громогласный предсмертный звон битого стекла.

— Сама виновата, — плотнее запахиваясь в подаренное Белым Королём пальто и оттряхивая его от просыпавшегося перца, констатировал Белый Конь. Пёс подкатился к нему, заботливо уткнувшись в бок, а усталый путешественник задремал, сморённый от обилия ходов и впечатлений. Ему снился тревожный сон, в котором Чёрные, в прямом соответствии с ожиданиями всех паникёров, нарушили все принятые договорённости, наплевав на мирное соглашение, стянули свои войска к линии фронта и, заняв исходные позиции, выдвинулись в сторону Белых, не дожидаясь, пока Белый Конь с триумфом завершит свой обход. Какое вероломство! Ведь имей Белые ещё немного времени про запас — они, разумеется, поступили бы так первыми, и это вошло бы в историю не иначе как упреждающий удар, направленный на пленение Чёрного Короля во избежание ненужных кровопролитий. Белый Конь спешил со всех ног, желая доставить тревожную весть своему Белому Королю, подтвердив волновавшие всех опасения; но шахматное поле бесконечно расширялось, растягивая границы, и отдаляло родные места всё дальше и дальше. А следом — откуда ни возьмись — выскочили четыре жутких и безобразных Коня, разбежавшихся по всем четырём концам доски, оставляя за собою лишь выцветшие поля и загубленные фигуры, не делая различий ни для Чёрных, ни для Белых.

Сохраняя ощущение тихого ужаса в первые мгновения после своего пробуждения, Белый Конь обнаружил, что Пёс взволнован, а у них появился незваный гость в лице Чёрного Коня, непостижимым образом оказавшегося на соседней клетке.

Решив грешным делом, что жуткое сновидение начинает сбываться теперь и наяву, Белый Конь осмотрел чужака. Они стояли один напротив другого, оценивая противника и ожидая дальнейшего развития событий: Белый Конь — на чёрном поле и Чёрный Конь — на белом. Долгое время оба хранили молчание, пока, наконец, Белый Конь не проявил инициативу, поприветствовав своего недавнего врага, впервые встреченного им не на поле брани, а в театре мирных действий. В конце концов, официально перемирие ещё сохранялось. Этот, казалось бы, формальный и ни к чему не обязывающий жест, как ни странно, несколько разрядил обстановку, позволив обоим Коням выпустить пар и, обменявшись дежурными приветствиями, перейти к разговору ни о чём.

Сознательно избегая острополитических тем и не затрагивая вопросов текущей численности войск, стратегического местонахождения Королей и прочего неуместного интереса, они травили байки, рассуждали о погоде и всячески снижали накал. Тем не менее, не забывая придерживаться определённой черты, они всё более переходили на доверительный тон. Белый Конь рассказал о том, что сам он родом из тёмного поля «g1», где в это время хода стоит особенно чудесная пора, и, как и было заявлено в легенде, путешествует с мирными целями. Исходя из ответов Чёрного Коня, можно было смело заключить, что тот получил примерно схожие распоряжения и от своего руководства и тоже совершает обход игровой доски не случайно.

Понимая всё прекрасно, но делая в силу условностей игры вид, что не понимают ничего, они выражали взаимное удивление такой милой и неожиданной встрече двух мирных и безобидных путешественников. В какой-то момент Чёрный Конь даже сделал, как говорится, ход человеком, предложив составить Белому Коню компанию в его нелёгких странствиях, но тот,

в свою очередь, всё так же учтиво, но твёрдо отказался, сославшись на любовь к уединённости, которую не нарушал лишь его верный Пёс.

По сути, Чёрный Конь не казался таким уж плохим парнем. Да, несмотря на это шаткое недолговечное перемирие, оба прекрасно понимали, что находятся по разные стороны баррикад: слишком много ходов было сделано, много фигур взято, много партий сыграно, чтобы разом всё просто перечеркнуть и забыть, ведь у того, кто не чтит прошлое, не может быть и будущего. Но вместе с тем, несмотря на разницу цветов и выбор разных идеологий, в каких-то вопросах Чёрный Конь понимал Белого Коня лучше Белой Шашки: например, в вопросах верности присяге и короне. И, более того, в каких-то вопросах этот чужак понимал его даже больше, чем собственные фигуры, – ведь они оба перескакивали через препятствия, следуя букве «Г» или «L». Поэтому под конец затянувшегося хода они оба уже распевали походные песни, поднимали тосты за здоровье обоих Королей и поминали, не чокаясь, всех тех, кто был взят с их общей большой чёрно-белой доски, будь то Чёрная фигура или Белая, выражая надежду, что где-то там их игра продолжается уже на других досках, где никому не нужно опасаться ни шаха, ни мата, где нет ни Королей, ни Пешек, ни цветов, ни полей, ни победителей, ни проигравших.

Где-то вдалеке осыпались от ветхости карточные домики. Отдаваясь отдалённым громом, на игральном погосте падали игральные кости и игральные скелеты. Но это не могло прервать добрых тостов и весёлых песен повстречавшихся на доске одиночеств.

Откровенничая, Чёрный Конь рассказывал о том, как устал уже ото всех этих бесконечных войн; от бесконечных шахматных задач, которые завравшиеся власти (которых давно уже следовало разжаловать в пешки за проявленную некомпетентность) ходами не торопились решать; от слухов, распускаемых сторонниками «ферзевого заговора», что, дескать, Белые готовятся сотворить из пешек аж сразу восьмерых Ферзей, расставить их по игровому полю так, чтобы они контролировали его целиком, при этом не попадаясь один под удар другого. Вместе с тем он продолжал, что в его семье недавно случилось счастливое пополнение в лице маленькой, но очень милой пешки, которая желает пойти по его стопам, в то время как сам он желал бы отдать её выучиться на Ферзя, но, опасаясь, что всё-таки не потянет по средствам, выбирает между Ладьёй и Слоном.

Как бы то ни было, уже на следующем ходу они расстались, сохранив друг о друге светлые воспоминания. Они не питали иллюзий и понимали, что, несмотря на взаимное уважение и отсутствие каких-либо причин для личной неприязни, игра способна свести их в сражении и тогда, вероятнее всего, один из них с честью падёт от рук другого, как бы прискорбно это ни звучало. Хотя, быть может, и пронесёт.

В любом случае, Белый Конь оставался верен Белому Королевству, полагая, что, права или нет, – это всё равно его Родина, любимая и великая...

...Уже преодолев большую часть намеченного маршрута, он нависал над картой, сверялся с путеводным компасом и отмечал дорожные наблюдения в своём потёртом походном дневнике, как вдруг, совершенно неожиданно для себя, увидел знакомую Белую Шашку. Вернее, это уже была даже не Белая Шашка, а Белая Дамка.

Высоконосая и гордая, стремительно промчав в белой роскошной карете, она не удостоила старого знакомого даже взглядом, не говоря уже о лёгком кивке или обычном приветствии. Исчезнув так же внезапно, как и появилась, Белая Дамка в мановение ока домчалась до конца игровой доски, оставив Белого Коня в лёгком недоумении. Быть может, она просто спешила куда-то так сильно, что даже не заметила его? Или заметила, но не имела времени кивнуть? Навряд ли. Тогда, быть может, дело в другом? Неужели он так сильно изменился за все эти ходы, что, увидев, – она его просто не узнала? Или, быть может, изменился как раз совсем не он?..

Где была та милая Белая Шашка, воспевавшая идеалы товарищества и единства? Не эта ли, возвышавшаяся над вчерашними соратниками, упиваясь ощущением своего превосходства? Где же теперь все её, быть может, и наивные, но всё-таки добрые, милые и заслуживающие уважения убеждения? Остались в хрониках былых ходов.

Пёс подкатился, легохонько толкнув Белого Коня, чтобы хоть слегка приободрить. Махнув на всё рукой, путешественник только и произнёс: «Ладно. Плюнуть и забыть». Но он не мог так просто плюнуть и забыть. Во всяком случае – прямо в этом же ходу.

Пробираясь через дебри разноцветных клеток и линий, он уже не имел в себе и сотой доли бывшего запала, пережив слишком многое. Он устал – не столько физически, сколько морально. А мысли Белого Коня то и дело возвращались к его родным полям и землякам. Кого-то взяли на проходе, кто-то участвовал в рокировке, кто-то упрямо шёл до самого края. Эх, раскидала их всех нелёгкая по шахматной доске.

Он пытался развлекать себя мыслями о том, как вернётся и расскажет всем о том, что довелось ему повидать на протяжении своего нелёгкого, долгого и опасного пути: о дивном пении зелёного соловья, наглой и грубой Перечнице, интересном и достойном противнике в лице Чёрного Коня и неприятной метаморфозе, приключившейся с некогда честной и смелой Белой Шашкой. Он представлял, как познакомит всех с Псом и отойдёт на покой, начав писать мемуары на основе своих путевых заметок, где расскажет всем будущим поколениям об устройстве вселенной, передав им бесценный опыт своего квадратосветного путешествия...

Знакомое жужжание заставило Белого Коня снова прервать свой путь. Описав круг, соловей приземлился перед ним на доску и, потеряв передние лапки, застыл, словно бы чего-то ожидая.

– Какой же ты всё-таки мерзкий, отвратительный и вонючий. Я не знаю, кто ты или что ты, но теперь мне всё-таки кажется, что соловьи так не пахнут, не поют и не летают, – угрюмо промолвил странник, заметно возмужавший, окрепший и помудревший за свои утомительные блуждания сквозь шахматные реки и озёра, моря, горы и джунгли, пустыни, города и деревни. Это уже был не тот молодой и наивный романтик, каким он был в самом начале пути много ходов тому назад. Возможно, в нём поубавилось не только сентиментальности, но и задора. Но вместе с тем поубавилось число лишних мыслей и беспричинных волнений. Другой на его месте, быть может, давно бы уже свёл счёты с жизнью, бросившись с края доски в неизвестность, но Белый Конь был совсем не такой. Он привык доводить всё начатое до конца, если, конечно, был уверен в том, что в этом есть какой-либо смысл, и ничто объективно не лишило его подобной возможности.

На самом деле больше всего на свете ему хотелось домой: не нужно ни почестей, ни наград, ни званий, только бы скакать навстречу ветру, вдыхать воздух свободы, пастись и щипать травку на родном тёмном поле «g1». Но всё было ещё впереди: большая часть пути осталась уже позади, но сам путь ещё не был закончен.

Резкий хлопок вывел Белого Коня из прострации. Неуловимо быстро что-то очень большое опустилось с небес, обрушившись на «зелёного соловья», кем бы это создание не являлось на самом деле, оставив на его месте какую-то расплюснутую мерзопакость.

Всматриваясь в то, что осталось от его мнимого соловья, в ложное сладкоголосие которого Белый Конь когда-то наивно уверовал, он вздохнул и плотнее запахнул своё пальто – королевский подарок, который, хоть уже порядком поистрепался, оставался для него последней милой сердцу вещицей. Казалось, вместе с бледнокрылой тварью погибла и часть его самого – пусть и не самая лучшая, но, так или иначе, оставившая после своего ухода пустоту.

Подняв взгляд вверх, откуда на его бывшего кумира был обрушен карающий удар, Белый Конь долго размышлял о своём месте в мире. Не конкретно в этом текущем ходу, в конкретно взятой клетке шахматной доски, а вообще. Пережитые им матчи, взятые им фигуры, объявленные шахи – всё в этот миг казалось ему настолько незначительным и суетным, лишённым

всякого положительного смысла... И вместе с тем он только начинал по-настоящему понимать, что смысл всё-таки был: корни этого смысла лежали далеко за пределами игровой доски, но именно в нём целокупно находились ответы на все извечные вопросы: как, откуда взялась доска, откуда на доске взялись фигуры, а вместе с ними – прочерченные линии, клетки и правила игры. И, вместе с тем, Белого Коня даже не столько интересовал вопрос «как», сколько вопросы «почему» и «зачем».

Естественно, он не был ни первым, ни последним, кому приходили в голову подобные мысли. Кто-то определял состав материала, из которого состояли фигуры, соотнося его с составом материала, из которого была сделана доска, выстраивая предположение, что фигуры произошли естественным образом из неё, а клетки есть не более чем результат деятельности самих фигур, как и постепенно сформировавшиеся правила игры. Другие утверждали, что фигуры были созданы ещё прежде доски. Третьи – что их занесли на доску извне с другой доски.

Философы спорили о том, что было прежде – игра или правила, исследователи прослеживали физиологический путь современных Ферзей от выцветших древних пешек, обнаруженных во время археологических раскопок под игровой доской. Но всё это были вещи сторонние, безусловно интересные, но отвлекающие от сути: фактически для Белого Коня не существовало никакой разницы, были ли занесены фигуры с какой-либо другой доски (что, впрочем, не снимало вопроса их возникновения, а лишь порождало вопрос, откуда именно они возникли там, откуда их взяли до этого), произошли ли они от древних пешек, порождённых в незапамятные времена недрами самой доски, или же были кем-то изготовлены и расставлены на доске. Всё это были частности, не дававшие Белому Коню ответа на вопрос, кто же стоял за его ходами и раздавил «зелёного соловья», но он страстно желал отыскать ответ на этот вопрос, дающий ему ключ к пониманию всего остального.

Тем временем путь не ждал, и, решив продолжить свои рассуждения уже в иное время и в более располагающей обстановке, Белый Конь снова продолжил прерванное странствие, а верный Пёс покатился за ним следом.

– Эй! Ты!

Белый Конь остановился.

– Конь в пальто! Я к тебе обращаюсь! Ты с какого района?

Дерзкий голос не сулил ничего хорошего. Тучи сгустились. Насмешливая, жалкая, уверовавшая в своё могущество и безнаказанность, Чёрная Пешка показалась из мрака в сопровождении своей шахматной братвы. Возможно, эти негодяи даже не знали, с кем связались, ведь Белый Конь, в недавнем прошлом совершавший разорительные набеги на стан врага, грабя стратегические запасы и подрывая боеспособность неприятельской армии, положил немало Чёрных Пешек, подобных этой. Одни погибали с достоинством, другие запятнали своё имя позором, но, как бы то ни было, в случае с Белым Конём их не спасали ни бегство, ни численный перевес.

– Это вы мне? – неторопливо разминаясь перед боем, осведомился уставший странник.

– Тебе, тебе, – ехидно бросила одна из Чёрных Пешек.

Их грубость, вульгарность и самоуверенность начинали бесить и раздражать.

– Ваше счастье, что между нами объявлено временное перемирие. Поэтому я даю вам последний шанс сбднуть отсюда и больше не попадаться у меня на пути, – негромко, но грозно предложил Белый Конь. Ответом ему был хохот. Однако вскоре через отряд ехидно скалящихся противников перескочил Чёрный Конь, не изменившийся с момента прошлой встречи, хотя с тех пор миновало уже немало ходов.

– Ну, вот мы снова и встретились. Как время-то летит, – словно бы оттягивая нечто, чего он, с одной стороны, не желал, но был вынужден совершить в силу долга, произнёс он. – Я вижу, что ты по-прежнему путешествуешь один и налегке. В конце концов, тебе могли бы выделить эскорт. Естественно, для разведчика так будет слишком заметно, да и в пути замедляет, но,

во всяком случае, путешествовать так намного безопаснее, чем уж совсем в одиночку. Или с твоей нелепой собакой.

– Это Пёс, – поспешно поправил Белый Конь.

– Без разницы, – отмахнулся от замечания его собеседник. – Возможно, в таком случае я смог бы ещё как-нибудь разыграть неудачу или убедить начальство, что не уверен в исходе акции. Но теперь – извини, ты сам всё для себя осложнил. Шёл бы себе как шёл, а охрана маячила бы где-нибудь на горизонте. Но я понимаю: у Белого Короля с тех пор осталось очень мало защитников. А вдобавок – ещё и развилась паранойя. Что поделать, таково оно – бремя власти...

– То есть, ты решил наплевать на все заключённые договорённости, избавиться от меня, не позволив мне донести почти полные сведения до штаба, а заодно – прикарманить их и передать Чёрному Королю, – констатировал Белый Конь.

– Эй, вот только не надо драматизировать. Это – наша работа. Мы оба выполняем свой долг. Просто так уж сложилось, что мы не можем действовать с тобой заодно, – тоном, который, как показалось Белому Коню, был исполнен непритворного сожаления, признался его враг. – Не переживай, даже мы будем чтить тебя как героя.

– А я и не переживаю. Потому что вам не представится такого случая, – Белый Конь понимал, что Чёрный Конь и Чёрные Пешки прикрывают друг друга, в то время как сам он стоит перед ними открытый как на ладони, без защиты со стороны каких-либо фигур. Он должен был сделать какой-либо ход – либо отступить на уже пройденные клетки, тем самым провалив поставленную перед ним задачу, чего не позволяло его самоуважение, либо взять Чёрного Коня, что означало равноценный размен, если формально рассуждать с позиции общестратегического плана. Вот только за этим «равноценным разменом» стояла его собственная жизнь. Не говоря уже о том, что задача была бы провалена и в таком случае тяжким трудом составленные им разведданные угодили бы в руки к неприятелю, а ко всему в довесок ситуацию представили бы так, словно это Белые и были нарушителями перемирия.

Иными словами, он был скован по рукам и ногам целой массой обязательств, законов, правил и ограничений, не имея права совершать безоглядных поступков под влиянием сиюминутных порывов. Должно быть, Белому Королю тоже приходилось совсем несладко, принимая решение подвести ту или иную фигуру под удар, жертвуя ею во имя более выгодной стратегической позиции в целом.

Но все в этот миг позабыли о том, что всеми этими правилами и обязательствами не был скован его Пёс. Ощувив, что хозяину угрожает опасность, он ринулся стремглав через клетки, разделявшие его от кучки неприятелей, и, с силой влетев в самый центр, раскидал их безжизненные фигуры по шахматному полю, а сам, прокатившись по неровной траектории, скатился с края доски, ударившись обо что-то во мраке.

Пребывая в неопишуемой растерянности от шока и горя, Белый Конь ещё долгое время не находил даже мыслей для того, чтоб описать всё то, что творилось в его душе в этот самый момент. У него начиналась истерика. Его лихорадило. Его сердце скакало, само уподобившись коню на шахматных клетках: прыг-скок, прыг-скок, цок-цок, прыг-скок...

Но времени на скорбь и самоистязание ещё не было. Вполне возможно, что за первой волной исполнителей могла последовать и вторая, контрольная, которая должна была подтвердить сам факт выполнения задания и поспешить доложить об этом в штаб Чёрного Короля. Останься Белый Конь сейчас в прострации – он упустил бы драгоценное время, выигранное его верным другом, и самопожертвование несчастного Пса оказалось бы напрасным.

Вперёд. Только вперёд. Не останавливаться. Ещё немного. Ещё чуть-чуть. Он уже почти дошёл... Почти... Дошёл...

Тяжело ступая копытами по иссушенной пустыне, полной некогда лакированных, а ныне потрескавшихся клеток, Белый Конь спотыкался и был близок к тому, чтобы рухнуть

и забыться, навеки уснув среди пересечения пестривших перед глазами полей и линий. Но сила воли, вера и чувство долго заставляли его собрать всю волю в копыто и идти, идти, идти...

Впрочем, не только это. Он должен был найти ответ на главный вопрос. И также он должен был вернуться на родную тёмную «g1», прилечь на родную прохладную травку и отдохнуть. Первое он не просто был должен сделать, но также и хотел сделать, второе – не был обязан, но просто хотел.

Увидев издалека собравшуюся толпу Белых фигур, скандировавших его имя, он слабо улыбнулся, понимая, что его сложный, тяжёлый и полный опасностей путь близок к своему долгожданному завершению. Что он чувствовал в этот момент? Наверное, прежде всего – усталость, огромную, всепоглощающую усталость, в которой в этот миг утопало всё прочее, оставив лишь слабо выглядывающий островок радости, на котором цвело, возвышаясь над волнами, древо веры.

– С Новым Ходом! С новым счастьем! – отмечая его шестьдесят третий ход выстрелами шампанского, восклицали Белые. Великий путешественник, совершивший квадратосветное путешествие, отныне сделался, фигурально выражаясь, очень важной фигурой. Более того – за время его приключений возраст Белого Короля стал напоминать о себе всё чаще, и теперь почтенный монарх собирался уйти на заслуженный покой, передав все бразды правления в руки молодого энергичного героя, пользующегося всеобщей любовью.

Высоко оценивший умом оказанное доверие, Белый Конь был в этот миг слишком слаб и измотан, чтобы оценить его ещё и сердцем. Обступившие его фигуры с недоумением вопрошали, почему он медлит, убеждая, что на его век уже хватит тяжёлых боевых будней и секретных вылазок в стан неприятеля: заняв столь высокий почётный пост, он станет неприкосновенной фигурой, которую не станут убивать даже самые отмороженные враги, поскольку слава о нём разошлась по всем клеткам шахматной доски.

Чего и говорить – даже представители Чёрного Короля прибыли на его чествование: это был политически грамотный ход, поскольку, с одной стороны, они могли отрицать все возможные обвинения (если бы даже такие возникли), предъявив встречные; а в том случае, если всё пройдёт мирно и без претензий, – пировать со всеми вместе, поддерживая видимость перемирия, и сообщить о результате своему монарху.

Разумеется, у него появилась бы масса почётных обязанностей, которые были несовместимы со всеми его скачками, прыжками и выкрутасами: теперь бы он, почтенный и важный, опираясь на трость, ступал бы в любом направлении на одну клеточку, порой вспоминая, как весело было когда-то скакать галопом по разноцветным полям, и так – из хода в ход, до самой глубокой старости. Но это не было тем, чего он желал.

Сердечно поблагодарив всех собравшихся и, в первую очередь, Его Белое Величество, Белый Конь незамедлительно попросил у всех прощение и, заявив, что устал от войн и бремени службы, попросился в отставку. Разумеется, он мог призвать и Белых, и Чёрных создать союзную империю, прекратив бесконечные и бессмысленные конфликты, совместно начать решать актуальные и злободневные шахматные задачи, и даже ожидал, что для проформы многие поддержали бы подобное предложение. Но он, как никто другой, понимал, что этого на самом деле не будет. Как и понимал, что, несмотря на все войны и неурядицы, такие же суетные, как и всё прочее, есть Правда, лежащая за пределами доски, и только она имеет объективный смысл. А войны – войны продолжаются потому, что за каждой из них стоит свободный выбор великого множества тех лиц, что принимают в них непосредственное участие. Когда-то он сам был одним из них. Теперь же – он будет ждать того дня, когда чья-то рука унесёт его с этой доски туда, где он, быть может, снова увидит своего дорогого Пса и где Чёрный Конь снова встретится ему, но уже не как враг, а как друг.

В итоге он попросил у Белого Короля и уполномоченных представителей Чёрного Короля предоставить ему небольшой клочок земли в личное владение, исключив его из зоны интересов

обоих Королевств. Естественно, всё это было зыбко, временно, эфемерно, как и прочее в этом нестабильном мире, где клятвы нарушались, друзья предавали и законы существовали лишь для того, чтобы жить им наперекор. Но всё-таки он мог выиграть время и хоть какое-то время пожить для себя, теперь, когда он ощущал, что больше никому ничего не должен и ничем не обязан. За исключением разве что того, кто вёл его всё это время, стоя в тени за доской.

Разумеется, его многие не хотели отпускать. И дело тут было не просто во всеобщей любви. Просто он знал слишком многое и, оставаясь без контроля, мог быть столь же потенциально опасен, как ранее – потенциально полезен. Как бы то ни было, сославшись на то, что подобные вопросы не решаются в одночасье, власть предержавшие заверили, что – в знак любви и дружбы их народов – четыре клетки в центре доски, долгие годы считавшиеся спорными территориями, переходившими из рук в руки как наиболее ценные, отныне переходят во владение Белого Коня. Разумеется, как только будут улажены все надлежащие правовые формальности и проволочки.

Другая просьба великого путешественника была ещё более странной – взять на казённое попечение осиротевшую пешку его приятеля, Чёрного Коня (который, как стало ему известно, погиб при загадочных обстоятельствах), позволив ей выучиться на Ферзя. В этот раз он ввёл многих в настоящее недоумение, хотя этот поступок действительно в какой-то мере послужил пусть и временному, но настоящему укреплению дружеских отношений между долго враждовавшими народами. Во все времена были и будут как те, кому война нужна как воздух, так и те, кто устал от бесконечных боёв и готов был брататься со вчерашними неприятелями, – это было естественно.

Белый Король, не желавший отдавать того тайного приказа, который он, по его глубокому убеждению, был вынужден отдать, исходя из сложившихся политических реалий, долгое время вспоминал многочисленные заслуги без преувеличения великого Белого Коня и, прежде всего, то, как Белый Конь лично спасал Его Величеству жизнь, а позднее – совершил своё знаменитое путешествие. А, впрочем, кто ж был ему виноват, что эксцентричный сторонник, логика поступков которого всегда оставалась для него загадкой, примет столь странное решение, создавшее массу ненужных сейчас проблем?

Белый Король пророчил его себе в преемники и мог бы, оставив власть в руках прославленного героя, уйти на заслуженный отдых, а теперь – пускай пеняет на себя...

В задумчивости и грусти Белый Король восседал за столом, на котором располагалась тактическая карта военных действий, по сути являвшаяся уменьшенной версией шахматной доски с уменьшенными версиями расставленных на ней фигур. Подманив к себе молчаливую и грозную Белую Ладью, он с глубоким нежеланием исполнил свой прямой королевский долг, отдав ей предельно короткие и ясные распоряжения касательно судьбы Белого Коня.

Необходимо было прождать какое-то время, когда все страсти поулягутся, а затем – тихо и аккуратно устранить потенциальный источник угроз, представив всё дело так, чтобы подозрение пало на Чёрных. Это называлось «политика».

Фактически Белый Конь ни секунды не сомневался, что так и будет. Но он просто устал. От всего. И от всех. И теперь, вдыхая родной воздух на клетке «g1», он ощущал, что знает настоящую цену счастья. Закусив колосок, он лёг посреди тёмного поля и, наконец, задремал. А чья-то рука незаметно для всех забрала его с доски, переставив на другую, где ждал его белый шарик по имени «Пёс», бродивший в сопровождении Чёрного Коня, который, впрочем, теперь не был ни Чёрным, ни Белым. Там не было войн, там не было злобы, там не было подлых ударов в спину. Зато там пел дивным голосом настоящий соловей, от которого пахло ароматами цветущей весны, и были ответы на все вопросы.

Уберблик

Автор: Валеев Хасан

Мучительное беспокойство. Я не сплю, но и не бодрствую. Все смешалось и искажается. Ночь – упала на крыши, остатки людей, тени. Макеты пробудившихся, как аневризма, некогда светлых в горизонт взоров. Митра спит в кроватях спелого облака. Трогуары цветут под истощенный, постгеморратическо-анемийный свет возрастающей луны.

Перед сном я читал о жизни Якова Уберблика. Опубликованную статью, в местном еженедельнике «Новый день». Это была наша первая встреча. Я его представил в голове, не по описавшему его тексту, а по мысли.

«Если бы земля стала вдруг реминисценцией неба, а небо реминисценцией земли, жили бы мы в небе?»

Образ жизни в небе, не такой близкий – казалось образу жизни моему. Вдруг заставил в моем мозгу вырасти огромной глыбой, образ жизни на небе.

Я иду по небу. Пробиваю грудью густые облака, свежесть, воздух облизывает мое тело.

Там, наверху, что-то творится. Аккуратными пятнами видно как лежат поля. Как город пускает ядовитые струи плотного дыма, лицо города снизу округлое, серое, с вкраплениями синих, золотых, красных точек.

Эти точки, не считая круга озер и квадратов полей, заставляют пристальней потупить взгляд, пытаться разглядеть то, чего нет. Как порой невольно мы провожаем взглядом самолет далеко в небе, пытаюсь разглядеть то, чего не можем.

Мне нет охоты смотреть на эти точки, на квадраты, на круги, на это новое небо, в нем нет бесконечности. Оно исчерпаемо во взгляде.

Мне хочется прогнать его.

Оно не говорит мне о чем-то бесконечно важном. О чем то таком, что я не пойму или не найду в себе. Оно как крупное, невыразительное создание, топорщится аспидного цвета глазами. Стремится обратить на себя мой взор.

Все наполняющие это небо – не свободные птицы, легкомысленные облака. Не светят эти огни как звезды, не хотят рассказывать не о чем.

Задрав до горла ткань одеяла, маскируюсь от беспокойства луны. Искусственно во сне перед ней. Сплю и вижу сны.

Добровольно или нет, отчетливо в глазах расплываюсь в редком тумане сна.

Уберблик поник, она ему не нужна, не знает жизни. А она (жизнь) преследует. Навязывая людей, отношения, всю нелепость своего создателя.

У моста.

Плещется вода. Он целиком в ее холодных объятиях. Предсмертные судороги. Ах, если бы так. Иначе просто вода, просто течет, отражая небо, мерещится смертью.

Болтается шарф приносимый ветром слева. Как пламя, светится взор, устремленный по сторонам моста, на воду. Так близко. Так близко еще не было. Что там, за неуверенным движением? Единственным шагом в ночь облака, скользящего по воде. За его взглядом следил кто-то еще. Кто-то там, на той стороне. Тот, кого спрятала тень аллеи. Свидетель трагического момента, наступившего по вине шага. Ему безопасней под красной рожей рябины. Грузом упадет на дно его души подсмотренная смерть.

Может со стороны на мосту они видят друг друга ищущими успокоения у вод? Может ли так случиться, что они оба пришли просить смерти у этого болота, кишящего паразитами, охотно жаждущими две нелепые смерти?

Утро, расследование. Двойное самоубийство? Но это его последний вечер, это только его могила. Тень скрылась. Может, никого и не было? Причуда разума, фантазия? Вот этот миг, вот та минута, вот ни к чему не обязывающий день настал, ни к чему не привязанный конец жизни. А ничего не происходит, нога не поднимается. Последних слов не найдено. Нет даже прощального возгласа. Нет ничего того, проводящего черту, под бесславным концом. Под трупом набухшим глазами матери. Символическим эхом судьбы. Знаком свыше.

Значит, стоит еще пожить? Еще хотя бы день? Еще хотя бы раз, застать рассвет за спящими глазницами домов? Одну неспешно выкурить сигарету. Одну выпить чашку кофе. Всего один, такой же ни к чему не обязывающий день. И снова сюда. Тут сносно. Тут запах с деревьев. Сюда можно приходить моим близким. Они, вероятно, сейчас спят, их, вероятно, застанет врасплох звонок из полиции. Разбудит ощущение нелепости случая. Может, испугает. А может, им будет плевать. Еще день, еще чашку?

*** **

Яков Уберблик. Человек с опаской в глазах. Растворившийся убийца, вешающий замок на дверь. Выдумка корреспонденции по утрам.

Утро, день начинается с него, а заканчивается красными глазами укравшего у сна ночь. Чай. Столик может уже и не терпит его бесконечные недосыпания и хочет уволиться, но привязан туго канатом к дивану, к давно съехавшему с общепринятых. На стене улыбка Готамы, на полу раскрытые розы (кинуты ткачом небрежно на ковер) намекают на уют. Стройный овал лица, натянутое по горло одеяло. Он не привязан к этой жизни; дивану, розам, кофейному столику, к ней, порхающей среди людей. Он не нажмет на спусковой крючок, не затянет петлю вокруг шеи. Это не так красиво, как в кино, не так изящно будет вкупе с траурным костюмом. А река? Может и она. Пусть ищейки сотрут носы потом, потом шумиха, экспертиза, несчастный случай, несчастная жизнь. Продать такую историю. Очернить книжных продавцов на углу. Чтоб под костюм – пресса.

Завтрак в полголоса, жизнь в полубиении сердца. Утро царапает фарфор его кружки в объятиях пальцев. Кто еще этим утром плачет просыпаясь?

Кто поймет его, кто способен на такое содействие? Сидит и ждет судьбы. Страдает, к чему такой обман себя? Река? Книги, пыль оседает на телефонную трубку. Его суть, ментальность закрыта в себе. Любит поэзию, несколько кабаков неподалеку. Но не ее, не жизнь. Она ему вдруг отвратительна, всем естеством он гонит ее от себя, как бродячую собаку, также презирающую голод. Текущесть ее заставляет мучить кофейный столик стонами, ночной возней у письменного стола. Ждать судьбы или гордо уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.